

* * *

Автобус пуст.

Людей в нем два десятка.

Но в то же время нет ни одного,
Чей кокон густ,
В ком свежая загадка,
В ком бьется пульс сильнее моего.

Я словно лук –
Натянутый, дрожащий.
Я вечный поиск, вечная тщета.
Блужданье рук
В непроходимой чаше,
Напрасная, быть может, маята.

В пустыне зной,
Ночами черный холод.
А я внутри, на дереве в гнезде.
Светильник мой
На звездочки расколот.
Приостановлен поиск... на себе.

* * *

Зачем кружит весенний сад
По солнцу и по грозам?
Весь этот белый аромат
Для поцелуев создан,

Для фантастических надежд,
Свиданий босоногих,
Для избавленья от одежд
И убеждений строгих.

И в перегретой голове
Не отыскать ответа:
Зачем же высохшей траве
Хмельная свежесть лета?

* * *

По краям заболоченных рек,
В звоне кратких расчетливых истин,
Позабылось – за что, человек –
Ты пронзительным ветром освистан.

Лишь вдали от воря-воронья
Нежный шорох под тающим снегом:
Заповедные речи ручья
Стерегут берега оберегом.

* * *

Мой образ мыслей – повод для пародий,
Недоуменья, споров и гримас.
Я вижу экзальтацию в природе,
И в серых тучах – разноцветный джаз.

В пыли и щебне кроются узоры,
И сладострастьем дышит каждый шаг.
Пустяк игры и торжество позора...
Смешон и горд простреленный мой стяг.

* * *

Погасим экраны и лампы,
Закроем учебник, тетрадь.
И выйдем под звездные залпы
Природу как книгу читать.

Как наши прилежные предки
Учились листать небосвод,
Вплетая наследные ветки
В большой мировой поворот.

Как волю выковывал голод,
И к ночи готовились днем,
Громадный неистовый холод
Пугая веселым огнем.

* * *

Пока вершит дрожащий бег
Во тьму керосиновая лампа,
Окно целует робкий снег,
И маму обнимает папа,

Покуда непрерывен круг
Меж пробуждением и полетом,

Пока возлюбленный и друг
Играют по единым ногам,

Покуда детству нет конца,
И в ласках нежится простуда,
И каждый день пророчит чудо –
Сияет свет вокруг лица.

* * *

Ты помнишь, я пришла сама...
Мне было все равно.
Во мне с утра плескалась тьма,
Заткнувшая окно.

Лишь два движенья – вверх и вниз
Избавили меня
От тесноты натужных риз
Сверкающего дня.

Ты перед шагом за черту
Сказал: «Защиты нет!»
И камнем канул в темноту,
В ней возрождая свет.

* * *

Достичь простоты. И умыться с хозяйственным мылом.
С крапивою сныть поглощать и хрустеть сухарем.
В ночной тишине приобщаться к таинственным силам.
Как Маугли быть – одной крови с косматым зверьем.

Смешные мечты так понятны в редеющем лесе...
Медведь грустноглазый, приметив огни впереди,
Идет к человеку, как рыцарь приходит к принцессе –
Стрелу получить в середину широкой груди.

* * *

Я заготовливаю чай.
Прокатываю скалкой листья.
Чтоб каждым миллиметром – в край –
Моим давлением проникся,

Чтоб исторгал душистый сок
Он каждой клеточкой душевной,
Сжимаясь в небольшой комок
Для ферментации волшебной.

Чтоб жизнь его сакральный смысл,
Помимо целей размноженья,
Вдруг обрела... И эта мысль
Меня выводит из сомненья:

Зачем на свете я живу?
С чьим непрерывным интересом
Меня, как сочную траву,
Судьба продавливают прессом?

* * *

Люблю бродить по городу ночному
В контрастах черноты и фонарей,
В кисейных мглах, зеркальных переломах,
В рассеянных касаниях лучей.

Прохожий появляется внезапно,
Как позабытый в юности мотив.
И пропадает также непонятно,
Мгновенно, будто штору опустив.

Ночных дорог обласкано немало...
Вдоль них, мерцающая длинной чередой,
Дрожат от нетерпения порталы,
Невидимые при звезде дневной.

* * *

Еще звенят осенние мониста,
А снег уж лег на разноцветный лес,
И первый луч на нем играет чисто
В размытых бликах утренних небес.

Сентябрь томит болезненным стремленьем
Отбросить стыд, одежду и металл,
Бетон, асфальт и городские мненья.
Спешить, покуда есть еще запал,

Упасть лицом на ворс подростков хвойных
В душистый снег на скопище ветвей...
Колючим льдом немного успокоить
Горячий голод щедрости моей.

* * *

Какое наслаждение – быть водой!
Глубоким небом отражаться ярко.
И каждый день, и каждый миг земной,
Безостановочно – дарить подарки.

Зверей поить и выпадать росой,
Лохматой тучей приносить прохладу,
В пыль мостовых вонзая дождь косой,
Томленью зноя воздавать награду.

Преграды окон неустанно мыть,
Не думая: хозяин ли я? раб ли?
Какое наслаждение – просто быть
Используемой, до последней капли!

* * *

Трамвай, трамвай... Мой друг бесценный
Упрямой юности моей,
Железный всадник вдохновенный
Воображаемых коней.

Твои ритмические песни
Рождают дивный резонанс.
Твой марш любви и Красной Пресни
Опять дает желанный шанс

Домчаться до мечты, до края,
С разбегу проскочить портал
В раздолья октября и мая,
Где красный конь крыла купал.

* * *

У тебя повадки ангела.
Как на тонкие края –

Лёгким взмахом, жизнью набело –
Кружевная кисея...

У тебя туманна аура,
А глаза ясней озёр.
Ореол зрачка муаровый.
Взор отважен и остёр.

И во мне чертята бесятся.
Грешным – нет к тебе путей:
Ни щелей, ни труб, ни лестницы,
Ни окошек, ни дверей.

* * *

Я могу раскрутить карусель,
Я могу уронить звездопад,
В чистом поле устроить постель
И фатой ограничить наряд.

Я могу чаровать маяту
И молчаньем вскрывать погребя,
Как перину взбивать черноту
И лепить из тирана раба.

Мне до боли знаком первый шаг
К неизвестным дверным звонарям,
Мной приучен подвал и чердак
К романтическим свечным фонарям.

Мне не стыдно, не трудно, в строку,
И мартеновы печи горят,
И оракулы ясно рекут,
И на выбор – все шансы подряд.

Только мне бы – бездумье и бег
В темноту на сверканье зарниц...
Чтоб какой-то *другой* человек
Всё решил за царицу цариц.

* * *

Любовь сорокалетних горяча,
Как солнце августа в кузнечиковых трелях.
Заросшей тропкой прячется печаль.
Жемчужный голос тающей свирели

Опять поёт привычную тоской,
Иллюзий прежних надоевшей строчкой...
Прохладой ветра выкованный зной
Пронзает сердце новою заточкой.

* * *

Как тают в небе облака
В растворе голубого зноя,
Как будто хлопья мнет рука –
Невидимая – над землёю.

Как испаряются легко
Их красота и непорочность:
Так исчезает молоко,
И трон утрачивает прочность.

Как тают в небе облака...
Природы сказок вдохновенных
Неисчерпаема река –
Таких чудес обыкновенных!

* * *

Последний раз – значителен, как первый.
Парит промытый деревянный пол,
Душистый воздух, коврик бледно-серый
Цвета утратил. Ты совсем ушёл

Из сердца, из судьбы, из телефона.
Лишь память необдуманно хранит
Хмельную тень полуденного звона
И счастья полыхающий зенит.

И, тишиною растворяя нервы,
Молчание вливается в поток...

Последний раз – значителен, как первый.
И так же сладок горечи плоток.

* * *

И в сумерки вплывает день,
Немыслимо меняясь ликом.
Раздавленной земляникой
Благоухающая тень

Горчит и свежестью палит –
Ментоловым ожогом белым.
Внезапным снегом переспелым
Июльский воздух перемыт.

На остывающих полях
Молчанье дремлющего зноя,
И ласки древнего покоя
Сочатся, как прозрачный яд.

И открываются врата
Небесных и земных укрытий,
Пророчествами всех событий
Заболевают все уста.

Но снова побеждает лень.
Уходит свет последним бликом,
Немыслимо меняясь ликом...
И в сумерки вплывает день.

* * *

Твоя неугомонная душа
Всё мечется по дому в стиле ню,
Всё тянется к неясному огню,
Трёх мотыльков смущая и смешая.

И ванна переполниться спешит...
В морозный лес запахнутый балкон...
А ты глядишь свой тридевятый сон
Про молодой завянувший самшит.

А я вершу неведомый полёт.
Ещё один рискует быть любим.
Он назовётся именем твоим
И также неприкаянно заснёт.

* * *

Минута – времени игла,
Торжественна и драматична.
Ты видел? Вот она прошла –
Разнузданна и аскетична.

Ты слышал, как поют сердца,
И мысли суетно стрекочут?
Как ровен гул в груди бойца,
Что целый день проводит молча?

И мой удел непоправим:
Во мне патетика и шалость.
Всё выгребай и поглядим,
Что там, на доньшке осталось?

Мне ль петь и танцевать кадрили,
Когда душа грохочет гимном?
Высокопарный дерзкий стиль
Не притворяется наивным.

Ты слышал? Только что прошла!
Та девушка – в блестящей тоге...
Как в ней звонят колокола
О неминуемом итоге!

* * *

Был целомудрен. Был неприхотлив.
Был благороден правдою смиренной.
Бог одарил. Вдруг, не предупредив.
Он взял. Случайно совершив измену.

Пред ним внезапно отворился путь
К любому из желаемых открытий.
Он мог куда угодно повернуть,
Мгновенно формируя цепь событий.

Он устремлялся, счастья достигал
Во всём, к чему был склонен по природе.
Устал. Отчаялся. И на колени пал,
И Господа молил о несвободе!

* * *

...И освежающая боль
Любви – принципиально юной.
Заветный вкрадчивый пароль
Случайностью заденет струны

Так не хватает остроты
В преснятине совместной жизни!
Разбавь же дозой прямоты
Благопристойность укоризны.

Недосягаем, как родник
На дне глубокого колодца –
Учитель мой и ученик,
Мой день и ночь, луна и солнце,

И освежающая боль
Любви – принципиально юной...
Ведь ты опять сменил пароль
И новые поставил струны.

* * *

Ты спросишь, не ревную ли его к ней?
Ты спросишь, не ревную ли его к ним?
А я отвечу только, что в поток дней
Вошёл сиянием его нимб.

И что она – всего только его тень.
И что они для красоты в венки сплелись.
А для меня он только повод, чтоб прожить день,
Надёжный способ, чтоб взлететь ввысь.

СЫНОВЬЯ

Когда зенит пережила семья,
И травы у косца пощады просят,

По сумеркам выходят сыновья
И самый смак снимают и уносят.

К горячим потаённым рубежам
Стремятся под покровом летней ночи,
В цикадных трелях, по крутым межам,
Сладчайшей болью в сердце кровотока.

Бегут, иль нарочито не спешат,
Все предвкушенья с воздухом вдыхая,
Мешая шаг с шуршаньем камыша,
Переполняясь свежестью до края.

А с ними мой недремлющий «жучок»,
Мой соглядатай, потайной попутчик,
Незримый скрытых камер маячок,
Врождённый в тело встроенный лазутчик.

Он для меня записывает сны
И ворожит мне юность до успенья...
Покуда разудалые сыны
Вдыхают ночи до самозабвенья.

* * *

Люблю тебя, как шалый цвет заката,
Как первый плеск весенних нежных луж.
Но вечный голод призрачного брата
Меня казнит хандрой залётных стуж.

Безумье счастья лютой правдой лечит,
В чужих глазах опять ищу своё...
Любовь измене не противоречит,
А даже провоцирует её.